

До этого, в спешке пути, Чан Я не успел толком рассмотреть молодую госпожу Шуй. Теперь же, оказавшись совсем рядом, он увидел, что она и впрямь была настоящей красавицей, из тех, что возвращены в тиши глубоких покоев. В чертах её лица всё ещё угадывалась былая решительность, которая в нынешней слабости лишь придавала ей беззащитный и болезненно-трогательный вид.

Чан Я тихо вздохнул, сочувствуя бедам, выпавшим на долю госпожи Цинлин. Он медленно закрыл глаза, настраиваясь на одну волну с лежащей перед ним девушкой и переплетая их восприятия.

Цэнь Сяолу, сложив руки на груди, стоял поодаль, внимательно следя за каждым движением лекаря.

Вскоре Чан Я открыл глаза.

— Ну как? — спросил Сяолу.

— Поговорим у тебя в комнате.

Едва они переступили порог, как к ним навстречу поспешила Чуаньянь, всё это время преданно дежурившая у дверей.

— С моей госпожой всё будет хорошо?

— С ней всё в порядке, иди пока присмотри за ней, — уклончиво ответил Чан Я.

Служанка кивнула и, поблагодарив их, поспешно скрылась в покоях госпожи.

Вернувшись к Сяолу, Чан Я отбросил недомолвки и прямо высказал свои опасения:

— Положение госпожи Цинлин стало ещё серьёзнее. Барьер в её море духа никуда не делся. Она до сих пор в коме, и если сознание пробудет в таком хаосе слишком долго, боюсь, она больше никогда не очнётся.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Призыв духа лучше всего проходит, когда проситель в сознании и его море духа открыто для связи. Но молодая госпожа Шуй в беспамятстве, а этот Барьер блокирует любой доступ. Даже зная корень её недуга, я не могу ничего исцелить.

— Значит, остаётся только одно... разрушить Барьер? — договорил за него Цэнь Сяолу.

Чан Я кивнул:

— Но я не знаю, как... У дедушки наверняка был бы способ. Где же он?

— Я найду наставника.

— Что? — встревожился Чан Я. — Тогда я с тобой.

— Нет. Мы привезли молодую госпожу Шуй в «Крючковатую луну», и здесь обязательно должен остаться кто-то, кто сможет присмотреть за ней на случай беды. Оставайся, я справлюсь один.

— Но... — Чан Я всё ещё колебался. — Где ты будешь его искать?

— У меня есть свои способы.

Чан Я повернул голову к спавшему с края постели Сяолу. Лицо того в неверном лунном свете казалось совсем белым. Чан Я, которому редко случалось страдать от бессонницы, никак не мог сомкнуть глаз.

— Чан Я, ты проснулся? — раздался тихий голос из-за двери.

Услышав призыв, Чан Я нахмурился, с трудом разлепил веки и, напрягшись, сел в постели.

— Да, — отозвался он. Бросив взгляд на соседнее место, он увидел лишь аккуратно сложенное одеяло. Сяолу уже не было.

«Точно...» Он помнил только, как полночи ворочался, терзаемый мрачными мыслями, и забылся сном лишь под утро, едва услышав первых петухов. Должно быть, Сяолу ушёл довольно давно.

У Чуаньянь были золотые руки. Когда Чан Я, приведя себя в порядок, сел за стол, у него невольно потекли слюнки. Отхлебнув ароматной каши, он восхищённо округлил глаза:

— Сестрица Чуаньянь, до чего же вкусно!

Та расплылась в улыбке:

— В котелке ещё много, кушай на здоровье.

— Спасибо, — Чан Я принялся за еду. — А ты не знаешь, когда ушёл мой младший брат?

— Около часа назад, — ответила Чуаньянь и, отложив палочки, вышла на кухню. Вскоре она вернулась, бережно неся что-то, завернутое в плотную ткань. — Перед уходом молодой господин Цэнь просил передать это тебе. Велел ждать его и вашего наставника.

Чан Я отложил палочки и принял сверток. Он не ожидал, что Сяолу оставит ему что-то на память. Предмет в руках оказался неожиданно тяжёлым.

— Чан Я, посмотри лучше у себя в комнате, — добавила Чуаньянь. — Молодой господин говорил об этом так строго, что я даже побоялась разворачивать. Спрятала в доме и теперь отдаю тебе в целостности и сохранности.

Чан Я убрал руку от ткани, поблагодарил служанку и ушёл к себе. Закрыв дверь, он взвесил предмет на ладони. Действительно, не пушинка.

Сгорая от любопытства, он осторожно отвернул край ткани. По комнате скользнул холодный блик — это был изящный, остро заточенный кинжал.

«Надо же, Сяолу прятал такую вещь...» Чан Я сжал рукоять и сделал пробный выпад. Лезвие с едва слышным свистом рассекло воздух. Испугавшись собственной смелости, Чан Я тут же убрал оружие. Осмотревшись, он решил спрятать подарок в тайник под кроватью, но, едва убрав его туда, снова вытащил. На душе было беспокойно. В конце концов он просто засунул кинжал за пазуху — так, когда он чувствовал холод стали кожей, ему было гораздо спокойнее.

«Это вещь Сяолу, я должен её сберечь. А то вернётся этот ворчун и завалит меня претензиями», — подумал он.

Делать было нечего, и Чан Я отправился к Шуй Цинлин, чтобы проверить её состояние. В комнате Чуаньянь как раз протирала лицо госпожи влажным платком. Увидев лекаря, она хотела было выйти, но Чан Я остановил её:

— Остаься, сестрица. Я лишь посмотрю, как она.

Лицо молодой госпожи Шуй не изменилось: щёки впали, она заметно осунулась. Чан Я с тревогой закрыл глаза, проникая в её море духа. Пока Барьер не разрушен, всё, что он мог — это подпитывать её своей ментальной силой, сдерживая хаос, но возможности его были на исходе. Если Барьер падет слишком резко, лавина подавленных чувств и желаний может просто раздавить её разум.

Закончив сеанс, Чан Я открыл глаза. Его била легкая дрожь, в теле чувствовалась

нарастающая слабость.

— Сестрица Чуаньянь, молодая госпожа Шуй держится. Заботься о ней, а мне нужно немного отдохнуть.

Вернувшись к себе, он достал свои записи. Нужно было еще раз все обдумать и составить четкий план, не упустив ни одной детали.

«Та сила, что оборвала мою связь с Чжан Цзэ той ночью... она была не из простых. Чжан Цзэ не смог бы так тонко манипулировать чужим духовным сознанием. И смерть Лу Цифэна... Кто же за всем этим стоит?»

Прошло две недели. Чан Я стоял у ворот, вглядываясь в пустую дорогу. Ни дедушки, ни Сяолу.

Поначалу он местами впадал в панику, боясь, что не справится с госпожой Шуй или что враги выследят их. К счастью, за исключением одного случая на седьмой день, всё было тихо.

Тогда, когда он осматривал больную, с кухни донёсся короткий и резкий вскрик Чуаньянь. Чан Я, предчувствуя неладное, выскочил из комнаты, запер дверь и, крепко сжав рукоять кинжала, бесшумно двинулся на звук. Дверь кухни была приоткрыта. Осторожно заглянув внутрь, он не увидел служанки, но заметил распахнутую заднюю дверь.

Он резко рванул её на себя.

Перед ним предстала Чуаньянь. Она стояла в полуприседе, угрожающе замахнувшись вальком для стирки на... юркую лисицу, которая вцепилась зубами в домашнюю курицу.

— Чан Я, она... она украла нашу курицу! — выдохнула служанка.

Лисица замерла, вытянув шею и блестя бусинками глаз, готовая в любой момент сорваться с места.

Поняв, что тревога ложная, Чан Я спрятал кинжал.

— Ничего страшного, сестрица. Она раньше к нам заходила, ловила крыс. Видно, совсем проголодалась, бедняга. Пусть забирает, не жалко.

Услышав это, Чуаньянь медленно опустила валёк. Хитрый зверёк, почуяв, что опасность миновала, взмахнул пушистым хвостом и мгновенно скрылся в зарослях.

С тех пор в «Крючковой луне» царил покой. Так прошёл месяц. Наступило начало зимы, и в один из морозных дней ворота усадьбы наконец распахнулись перед своим хозяином.

Чан Фулянь, запыханный и усталый, стремительно вошёл в дом.

— Я-эр!

Чан Я, работавший в лекарской, услышал голос и пулей вылетел в зал.

— Дедушка! Ты вернулся!

С возвращением старика у Чан Я точно камень с души свалился. Столько всего накопилось, столько вопросов... Но из всего вороха слов он выдал лишь самое важное:

— Молодая госпожа Шуй у нас.

И добавил, замирая:

— Ты видел Сяолу?

— Веди меня к ней, — распорядился Чан Фулянь.

Чан Я на миг замешкался, оглядываясь на ворота и не видя там младшего брата. Но, не посмев расспрашивать дальше, он покорно повёл деда к больной.

Заметив его беспокойство, Чан Фулянь коротко бросил:

— Мы виделись с Сяолу. Не волнуйся.

— Хорошо, — выдохнул Чан Я.

Чуаньянь, уже слышавшая о великом лекаре, призывающем дух, молча поклонилась и отступила в тень, с надеждой глядя на лежащую госпожу.

— Она так и не приходила в себя, — с горечью произнёс Чан Я.

Чан Фулянь кивнул и бросил взгляд на служанку. Та, всё поняв без слов, поспешно вышла, притворив за собой дверь.

— Дедушка?

— Сяолу рассказал мне всё. Сейчас самое главное — убрать Барьер из её моря духа.

— Это возможно? — сердце Чан Я подпрыгнуло от радости. Значит, есть надежда!

— Способ найден.

Не теряя ни секунды, Чан Фулянь закрыл глаза и погрузился в сознание госпожи Шуй.

Прошло немало времени. Чан Я стоял рядом, боясь даже вздохнуть. Для обычного человека в комнате ничего не происходило, лишь старик всё больше напряглся, а по лбу градом катился пот. Но Чан Я кожей чувствовал мощные колебания духовной энергии.

Сначала стояла мёртвая тишина, но постепенно от тела молодой госпожи Шуй начали исходить волны ментального напряжения. Хаос её мыслей, рваный и неясный, жалил разум Чан Я, точно мириады ледяных игл. Он изо всех сил старался сохранить самообладание и не утонуть в этом чужом безумии.

Когда Чан Фулянь наконец открыл глаза, одежда на спине Чан Я была насквозь мокрой от пота.

— Барьер разрушен, — хрипло произнёс старик.

Шуй Цинлин на кровати затрепетала ресницами, она бессвязно зашептала. Она была на грани пробуждения.

— Дедушка, она... — Чан Я боялся, что лавина чувств захлестнёт её.

— Всё в порядке, я успел смягчить удар. Но теперь медлить нельзя. Нам нужно как можно скорее увидеть Госпожу Шуй.

Чан Я удивленно вскинул брови.

— Позови Чуаньянь. Пусть берет госпожу, мы уходим. Сейчас же.